

**КУЛЬТУРНО-
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ФАКТОРЫ
ФОРМИРОВАНИЯ
ПРОПОРЦИЙ МЕЖДУ
РАЗЛИЧНЫМИ ТИПАМИ
АГЕНТОВ В РОССИИ**

Г.Б. Клейнер

**В книге Homo institutus - человек институциональный
под редакций д.э.н .О.В. Иншакова**

**глава 34 (стр. 745-749)
Волгоград: ВолГУ, 2005**

В каком количественном соотношении находятся в каждой конкретной стране популяции двух типов агентов: *homo institutus* и *homo economicus*? Ответ на этот вопрос имеет фундаментальное значение, поскольку определяет особенности исторического развития экономики.

Представляется, что в каждой стране пропорции представительства двух рассматриваемых типов агентов в среднесрочном аспекте являются относительно устойчивыми и определяются особенностями развития страны, в свою очередь, обусловленными социально-культурными и экономико-географическими факторами. Выдвинем гипотезу: для населения России преобладающим был и остается тип *homo institutus* (далее — *HI* в отличие от *homo economicus* — *HE*). Это можно обосновать следующими аргументами историко-географического и культурологического характера.

Традиционно Россия была преимущественно крестьянской страной, что определяло культурные особенности населения и соответствующую институциональную структуру. Деревенский, общинный образ жизни, во-первых, предполагал весьма развитую культуру и традиции взаимных отношений и между крестьянином и помещиком, и в самой общине. В рамках сельской общины долговременные институциональные факторы, сложившиеся в течение сотен лет порядки играли значительно более существенную роль, чем текущие соображения чистой выгоды. Во-вторых, натуральное хозяйство, культивировавшееся в течение длительного времени, способствовало формированию восприятия и осмысления мира как вместилища многих качественно различных сущностей, что соответствует политеистическому, языческому взгляду на мир. Поскольку крестьянин получал денежный эквивалент произведенных им товаров лишь после их реализации, по истечении значительного времени с начала производственного цикла, деньги не могли служить повседневным и универсальным мерилom ценности, а следовательно, и основным стимулом. В-третьих, разрыв связи между финансовыми результатами и натуральными затратами труда возникал из-за неурожая, ущерб от которых российское крестьянство испытывало в значительно большей степени, чем, скажем, европейское (Гольц, 2002). Наконец, в-четвертых, язычество как политеистическая религия формировала партикуляристское восприятие мира, в отличие от монотеистических религий, в том числе христианства. В партикуляристском восприятии мир состоит из множества различных и относительно самостоятельных сущностей. Эта

мозаика не имеет единого центра регуляции и требует особого внимания к каждой из ее частей. Такое видение то способствовало смещению ценностных ориентиров от обобщенной (агрегированной) денежной формы к детализированным натуральным или институциональным формам. В конечном счете все это способствовало росту популяции *homo institutus*.

Одновременно в сознании людей закреплялось представление об отсутствии зависимости результатов труда от вложенных затрат труда. «От трудов праведных не наживешь палат каменных» — гласит одна из наиболее популярных отечественных поговорок. В какой-то степени данный феномен объясняет целый ряд важных психологических особенностей населения. В мире, где результат не зависит от вложенных усилий, можно, условно говоря, представить себе два возможных способа действий: один — чисто религиозный, опирающийся на безоглядную веру в милосердие Бога («будет день, будет и пища»), другой — чисто криминальный: использовать для себя то, что является результатом затрат труда другого субъекта. Ведь если зависимость результата от затрат случайна, то и принадлежность его также может быть поставлена под сомнение! В своем экстремальном выражении первый путь ведет к юродству, второй — к преступлению.

В городской части России, как показывает Г.А. Гольц (Гольц, 2002), также не могла укрепиться накопительная связь между затратами и результатами труда. Одной из причин этого были городские пожары. Практически через каждые 30 лет пожар уничтожал имущество, находившееся в деревянном доме.

Все это влияло на социально-психологические основы формирования личности в России и вызывало торможение роста числа «денежно ориентированных» индивидов и расширения множества «институционально ориентированных» субъектов. Знаменитый пушкинский спор между денежным «златом» и институциональным «булатом» в России традиционно решался в пользу «силовых», то есть институциональных решений. В определенной степени этому способствовала пред- и послереволюционная агитация и пропаганда, систематически и не без успеха боровшаяся с культом «золотого тельца».

Таковы исторические корни преобладания институционального типа индивидов в России. Рассмотрим теперь некоторые культурные факторы, влияющие на соотношение *HE* и *HI*.

По мнению культурологов Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского, «специфической чертой русской культуры является ее принципиальная полярность... Основные культурные ценности <...> располагаются в двуполюсном ценностном поле, разделенном резкой чертой и лишенном нейтральной аксиологической зоны» (см.: Успенский, 1994, с. 220). Такая бинарность отличает в социокультурном плане Россию от стран Запада, сделавшего выбор в пользу трехзначной оценочной логики вместо двузначной и неизбежно ведет к «взрывному», по выражению Ю.М. Лотмана, характеру развития, при котором полюса общественно-ценностных диполей стремительно, а в историческом плане — одновременно меняются местами (Лотман, 1992).

О ментальной неустойчивости в этом же смысле писал и И. Бунин: «Есть два типа в народе. Но и в том и в другом есть страшная переменчивость настроений» (Бунин, 1990). Сходное мнение формулировал академик И.П. Павлов в лекции «О русском уме», прочитанной в 1918 г.: «Все дело в детальной оценке подробности условий. Это основная черта ума. Что же? Как эта черта в русском уме? Очень плохо. Мы оперируем насквозь общими положениями, мы не хотим знаться ни с мерой, ни с числом. Мы все достоинство полагаем в том, чтобы гнать до предела, не считаясь ни с какими условиями. Это наша основная черта» (Павлов, 1999).

Отметим, что полярная ментальность отечественных субъектов рынка определяет и такое распространенное явление, как несклонность к компромиссу: если срединная ценностная зона отсутствует, то процесс принятия решений сводится к победе в «перетягивании каната». Стоит сравнить базар в Центральной России с восточным базаром, чтобы понять ментальное различие между жителями этих местностей: основой торговли на восточном базаре является взаимный компромисс продавца и покупателя, в то время как на типичном российском базаре покупка, как правило, осуществляется по цене продавца.

Тот же «бескомпромиссный» способ принятия решений имеет место в большинстве ситуаций, где присутствуют противоположные интересы. Л. Горичева справедливо противопоставляет российский тип согласования интересов при принятии решений западному «симфоническому» стилю совместного функционирования (Горичева, 1996). По нашему мнению, бинарный характер отечественного менталитета допускает «симфонический» способ функционирования только при наличии сильных институциональных ограничителей и мотиваций, которые способны обеспечить

гармонизацию поведения участников, имеющих полярные и неустойчивые взгляды. Иными словами, в российской экономике «оркестр» без дирижера-лидера и административных методов руководства, по-видимому, невозможен.

Поскольку система ценностей *homo institutus* индуцируется институциональной структурой окружения, а принципы поведения носят экзогенный характер, в то время как *homo economicus* ориентируется на собственные меркантильные интересы, слабо зависящие от внешней социальной среды, все сказанное в данном разделе приводит к выводу, что преобладающим типом личности в России является *homo institutus*.

При этом характер целевой ориентации *homo economicus* относительно стабилен (финансовые цели), в то время как целевая ориентация *homo institutus* нестабильна и существенно зависит от институциональной системы. Такими целями могут быть карьерные устремления, занятие авторитетного положения среди окружения, завоевание власти и т.п. В принципе, с точки зрения внешнего наблюдателя цели субъектов обоих типов могут в отдельных случаях казаться неразличимыми: приобретение квартиры в престижном доме может быть и реализацией «отношенческих» устремлений *homo institutus*, и выгодными инвестициями *homo economicus*. Однако более детальный «исторический» анализ действий каждого агента выявляет его принадлежность к одному из двух указанных типов.

Мир, населенный субъектами *homo institutus* с биполярной и неустойчивой, «переключательной» системой базисных ценностей, можно в каком-то смысле сравнить с множеством магнитных диполей («стрелок компасов»). Каждый диполь может быть ориентирован в любом направлении и может изменить свою ориентацию под действием внешнего магнитного поля. Роль институтов в этой условной картине играют силовые линии магнитного поля, зависящие от комбинаций сил магнитного притяжения и отталкивания.

В рамках такой модели единственный способ консолидации общества или группы — это создание достаточно мощного «магнитного поля» (поля влияния), которое бы определило ориентацию этих диполей. Устранение такого поля автоматически приводит к рассогласованию ценностной ориентации и действий агентов. В недавнем прошлом в России роль такого глобального поля для всех граждан исполнял институт коммунистической идеологии вкупе с соответствующим идеологическим аппаратом. Вместе с глобальным полем на ориентацию каждого агента в России сильное

воздействие оказывает локальное «поле влияния». Россия относится к числу так называемых «лидерских» обществ, где следование указаниям локального лидера (руководителя, «авторитета» и т. п.) важнее, чем следование требованиям макролидера (включая законодателя).

Поскольку ценностная ориентация индивидов неустойчива и институционально зависима, для координации социально-экономической деятельности субъектов необходимы достаточно мощные институциональные структуры и воздействия. Деинституци-ализация общества в условиях России однозначно приводит к росту преступности, массовому падению моральных устоев. При этом под влиянием переключения ценностей на путь нарушения закона вставали даже те люди, которые ранее не могли и помыслить об этом. Для многих членов общества, в котором преобладает тип *homo institutus*, это стало личной трагедией. Доперестроечная гиперинституциализация, явившаяся результатом закономерной инерции развития институционального строительства (уместно вспомнить одну из важнейших дисциплин советской цивилистики — «советское строительство», в которой трактовались вопросы организации и функционирования избираемых органов управления всех уровней) в среде *homo institutus*, сменилась на «недоинституциализацию», преодоление которой является и во многом осознается как главная по сути задача социально-экономической политики на современном этапе.

Следует подчеркнуть такую отличительную особенность отечественного индивида *homo institutus*, как локальность его референтной группы. Это означает, что главные факторы формирования их ценностной ориентации относятся к непосредственному микроокружению, а не к макросреде. Смена установок в высших эшелонах власти легко приводит к замене верхнего, трансформируемого и менее значимого слоя установок агентов типа *H1*, в то время как наиболее значимый слой остается зависимым от микроокружения. Так, в случае конфликта между требованиями непосредственного руководства и требованиями закона предпочтение отдается первым. Эта особенность также имеет, по-видимому, исторические корни и связана с организацией жизни сельского населения в виде сельской общины или «мира».

Такой характерный элемент этой организации, как ориентация индивида на мнение «общества», по мнению многих социологов (см., например: Горичева, 1996), сохранился до наших дней. Несмотря на высокие темпы информатизации социально-

экономической жизни, распространение Интернета, глобализация едва коснулась основной массы отечественных экономических агентов. На очереди стоит не столько глобализация экономики России, сколько преодоление локализации и регионализации и переход к «макроэкономизации» (справедливости ради стоит отметить, что межстрановая глобализация также может рассматриваться как фактор преодоления внутривосточной регионализации).

Ниже рассматриваются другие особенности функционирования общества *homo institutus* как среды институциональных трансформаций.

Структура общества с точки зрения пропорции между двумя типами агентов — *homo economicus* и *homo institutus* — оказывает существенное влияние как на процесс, так и на тип общественного развития. В «мире *homo institutus*» доминирует личностный характер отношений между агентами, в то время как в «мире *homo economicus*» преобладают обезличенные, экономически опосредованные взаимоотношения («ничего личного»). Изменение «вектора» общественных настроений в «мире *homo institutus*» происходит благодаря импульсам, идущим «сверху вниз», поскольку *homo institutus* обладает повышенной чувствительностью к мнениям «начальства» и внутренней готовностью к ценностной переориентации. Это обстоятельство в значительной степени определило характер общественного движения в России в течение XX — начала XXI в.

Социально-экономическое развитие каждой страны имеет свои отличительные особенности, свойства, закономерности, которые О. Шпенглер предлагал обобщенно характеризовать термином «стиль» (Шпенглер, 1998). Для России свойственен особый «кризисный» стиль общественного движения. Этот стиль характеризуется тем, что противоречия общественного развития не снимаются вскоре после их обнаружения в результате корректировки избранного курса при сохранении его общей направленности, а сохраняются, развиваются, генерируя очередную «лжетенденцию», пока не приводят к новому кризису. Символически такое движение можно представлять себе в виде пилообразной ломаной линии, пиковые точки которой соответствуют кризисным моментам перелома сложившихся микротенденций.

Можно заметить, что в общественной истории России имеет место ярко выраженное последовательное отрицание практически каждого из когда-либо царивших в умах граждан общественных идеалов: определенные и общепризнанные на одном историческом этапе ценности (неважно, заимствованные или выработанные

самостоятельно), ориентиры, цели на том или ином из последующих этапов подвергаются не только сомнению или забвению, но и категорическому отрицанию. Так было с идеями самодержавия, общинности, коммунизма, укрепления централизации и расширения децентрализации экономического регулирования, соотношения между отраслевым и региональным механизмами управления, укрупнения и измельчения основных единиц сельскохозяйственного и промышленного производства. Каждый из этих идеалов принимался на вооружение и потом заменялся на противоположный. Можно полагать, что такая же судьба рано или поздно постигнет и разделяемые в настоящее время подавляющим большинством российских граждан идеалы строительства рыночной экономики.

Зигзагообразная линия общественного движения России с высокой амплитудой, в отличие от развитых стран Запада, разворачивается вокруг воображаемого тренда. Куда же направлен этот тренд? Отражает ли он поступательное движение социума, деградацию или «застой»? К сожалению, определить направление и суть развития России можно только в те переломные моменты, которые общественное мнение характеризует как «кризисы».

В этом смысле кризисы в России (если говорить о последнем десятилетии, то можно вспомнить ситуации 19 91-го, 1993-го, 1994-го и 1998-го гг.) следует рассматривать не как автономные феномены, а как органическую часть развития страны. Именно в моменты кризисов происходит изменение направления «вектора общественных ценностей», и именно по ориентации этих послекризисных изменений осуществляются попытки восстановления общей «стрелы прогресса». Таким образом, каждый кризис в отдельности и все кризисы в совокупности следует рассматривать как своеобразное «зеркало русской эволюции».

Вывод состоит в том, что социально-экономическое развитие России носит возвратно-поступательный характер. Долгосрочная «тезаврация» ни в части экономических накоплений, ни в части достижений общественной мысли, как представляется, недостижима. Это объясняется устойчивыми особенностями менталитета граждан.

Палитра ценностей для индивидуумов типа *homo economicus* не только изменчива, но и узка. Ценностная ориентация носит бинарный характер: по отношению к каждому явлению имеет место либо не критическое принятие, либо безоговорочное осуждение.

Бинарная ментальность сказывается не только на принятии текущих социально-экономических решений, но и на результатах метаконкуренции институтов. В результате основополагающие общественные институты также носят бинарный характер.

Индивидуальное восприятие окружающего мира в виде полярной ценностной структуры и соответствующее политическое кредо («кто не с нами, тот против нас»), создает ментально-идеологическую основу кризисного стиля и противостоит самой сути идеи эволюционного кумулятивного развития. Эволюционный стиль движения может иметь место только при наличии промежуточной, «нормальной» зоны в общественном сознании (Лотман, 1992). Именно здесь, в «средней» зоне, происходит непредвзятый (объективный) анализ ситуации, сепарация позитивных элементов и тенденций, закрепление достигнутого и формирование перспектив последовательного роста. Срединная зона общественного сознания служит хранилищем эволюционной исторической памяти, позволяющей не повторять прошлые ошибки. Полярность ментальной культуры трудно совместима с исторической эволюцией.

Поэтому одной из главных задач поддержки стабилизации развития общества должна стать институционализация новой социокультурной парадигмы с третьим, нейтральным, «нормальным» началом, существующим в виде достаточно широкого и самоценного общественного поля. Это и есть ментальное выражение идей «третьего пути», о которых в последнее время часто говорится как о наиболее естественном варианте выхода России из кризиса (см., например: Львов, 2001). Заметим к слову, что именно на этом поле должна чувствовать себя «как дома» истинная российская интеллигенция, задача которой — удерживать российское общество в рамках «неполярных» институтов.

Можно продолжить номинальный анализ полярной ментальности и дальше. Следствием бинарной ментальности индивидуумов является соединение в каждом из субъектов в близких пропорциях элементов добра и зла при неустойчивом равновесии между ними. В древнегреческой мифологии существа с такими свойствами именовались «демонами». В российском обществе в целом, видимо, как и в каждом демоне, столько же зла, сколько и добра. Поэтому более правильной, чем предложенная Р. Рейганом для СССР характеристика «империя зла», была бы характеристика «империя демонизма». В этом смысле, развитие в России, как заметил культуролог и философ М. Эпштейн, реализуется через противостояние тех или иных «демонов». На «демона самодержавия»

был спущен «демон большевизма», на него — «демон перестройки», «демон Ельцина» сменен «олигархическими демонами» и т. д.¹

Возможно, что различие между характером развития российского, западного и восточного общества может быть объяснено различием в типах мышления. Для Востока характерна монадность, целостность, устойчивость ментальной культуры; для России — бинарность, полярность, переменчивость полюсов мышления: Западу присущи тернарность, наличие, кроме полярных, устойчивой нейтральной зоны для эволюционного развития и восприятия реальности.

Для того, чтобы изменить сложившуюся за долгие годы тенденцию, необходимо изменить содержание и целевую ориентацию реформ. Путь к использованию этого потенциала лежит через создание институтов, обеспечивающих устойчивость и поступательный характер развития. Особую роль в этом процессе играют предприятия. Именно поэтому всемерная поддержка должна быть оказана созидательным инициативам, базирующимся на развитии объектов реального сектора экономики.

При этом упор должен быть сделан не столько на проектное, сколько на объектное инвестирование, поскольку именно в объектном развитии заключен потенциал поступательного движения экономики.

Если в начале трансформационного периода 1990-х гг. большинству населения России казалось, что основная задача — «разбрасывать камни», то теперь необходимо их собирать, то есть создавать структуры и институты, направленные на изменение общественного сознания в плане перехода от полярной, двузначной, переключательной логики оценок к трехзначной, эволюционной, дополненной эффективными функциями социально-экономического анализа и памяти. Понятно, что эта задача носит весьма долгосрочный характер, однако ее решение необходимо для создания предпосылок будущей эффективной экономики России. Необходим социальный слой, который стал бы носителем новой социокультурной парадигмы, отражающей более содержательную логику оценок, расширение нормальной, срединной полосы между крайними оценками. Именно в этом, как представляется, состоит в России историческая миссия так называемого «среднего класса».

Средний класс в социологических исследованиях иногда определяют как «экономически самостоятельный социальный субъект, способный выступать в качестве основного налогового донора, внутреннего инвестора экономики и стабилизатора

политической жизни» (Авраамова, Овчарова, 2000). Кто же входит в этот «класс»? Далее в цитированной работе выясняется, что его основу составляет «статистически значимый слой, представители которого сумели использовать различные стратегии адаптации для достижения устойчивого и достаточно высокого уровня жизни», а затем становится ясным, что критерий отнесения к данной группе — «индивидуальный месячный доход» (там же). На наш взгляд, такое выделение среднего класса вряд ли обосновано. Скорее всего, люди, обладающие столь высокой гибкостью, которая позволила выдержать различные потрясения и сохранить уровень доходов, не станут всерьез противодействовать экстремизму, рассчитывая на свои адаптивные возможности.

По нашему мнению, критерий отнесения к среднему классу должен быть иным. Истинный средний класс образуют не граждане, обладающие средними в масштабах страны доходами и не налоговые доноры. Представитель среднего класса — это человек, отличающийся чувством ответственности, стабильными, взвешенными взглядами и определенными нравственными устоями.

В настоящее время такая социальная группа (а тем более — класс) в России надлежащим образом не оформилась, ее потенциальные члены, как правило, не пользуются достаточным авторитетом в массах и не достигают желательного уровня в общественной иерархии. Причины этого коренятся не только в характере ментальных социально-психологических особенностей населения, но и в сложившейся в 1990-е гг. системе распределения доходов. Большинство потенциальных представителей среднего класса в России — это интеллигенция, то есть средний промышленный менеджмент, врачи, учителя, ученые, работники культуры, которые по сути оказались у черты бедности, что в сегодняшних условиях не позволяет им рассчитывать на значимую роль в формировании общественного сознания и коррекции индивидуального менталитета.

Часто можно встретить утверждение, что средний класс в России должны составить средние и мелкие предприниматели. На самом деле в отечественных условиях этот класс не может быть составлен из предпринимателей — людей зачастую авантюристического склада, склонных к риску, тесно связанных с теневой и криминальной частью экономики. Основой среднего класса в России должны стать люди, наделенные как самостоятельностью, так и определенной основательностью мышления наряду с исторической и культурной памятью.

Формирование среднего класса — не только социально-политическая, но и экономическая задача. Ее решение возможно только на институциональной основе. Должны существовать институты поддержки и воспроизводства этой группы в составе населения, система продвижения и распространения агентов среднего класса в различных подразделениях народного хозяйства, уважительное отношение к этим людям в обществе. Какая же подсистема социально-экономической структуры общества может стать генератором таких институтов? Этот вопрос чрезвычайно важен для долгосрочной ориентации реформ. В первую очередь здесь следует обратить внимание на организационно-экономический институт, по своему статусу призванный осуществлять упорядоченную во времени и в пространстве, скоординированную и целенаправленную деятельность, в рамках которой корректируется и стабилизируется поведение и, следовательно, в какой-то мере — менталитет участников. Речь идет о предприятии.

Коснемся вопроса о различии индивидуального (для социальных агентов) и группового (для экономических агентов — предприятий) принятия решений. Если речь идет о групповом выборе, скажем, поведении предприятия, зависящем от соотношения интересов и возможностей целого ряда участников принятия решений, то здесь ситуация носит, вообще говоря, более комплексный, чем для случая физического лица, характер (см.: Мулен, 1991). Однако экономика России по-прежнему обладает многими признаками, характерными для «экономики физических лиц» (Клейнер, 1996; Person, Position..., 2001) ², когда стратегические решения в организациях принимаются главным образом отдельными личностями (руководителями), действующими от имени всей структуры. Соответственно, поведение коллективных агентов приобретает много общих черт с поведением индивидов-лидеров и можно говорить об особенностях психологической структуры поведения данного агента — предприятия или, шире, организации. Согласно эволюционной концепции предприятия (Нельсон, Уинтер, 2000), с каждым предприятием связана относительно устойчивая система рутин — правил, определяющих внутреннее функционирование предприятия в различных условиях, что сближает предприятие как институционального агента с индивидом как агентом социальным. «Антропоморфный» подход к анализу поведения предприятий может быть обоснован аналогией между предприятием и физическим лицом, основные элементы которой представлены в таблице.

Интерпретация близких характеристик социальных и экономических агентов

Индивид	Предприятие
---------	-------------

Талант, способности	Ключевые компетенции
Потенциал как совокупность способностей, при определенных условиях дающих возможность занять индивиду достойное место в обществе	Потенциал как совокупность ресурсов и факторов, дающих предприятию возможность при определенных условиях занять достойное место на рынке, в деловом сообществе
Жизненный цикл	Жизненный цикл
Знание жизни	Знание рыночной, деловой и административной среды
Понимание себя	Накопление и осмысление знаний об истории и эволюции предприятия, его потенциала и возможностей его использования
Душа человека как внутреннее неповторимое духовное начало, придающее активность и целенаправленность деятельности предприятия, обеспечивающее его стремление к гармоничному функционированию и развитию в соответствии с его потенциалом. Проявляется в особенностях восприятия, оценки и осмысления действительности, а также в поведенческих особенностях	«Душа» предприятия как внутреннее единое духовное начало, придающее активность и целенаправленность деятельности предприятия, обеспечивающее его стремление к гармоничному функционированию и развитию в соответствии с его потенциалом. Проявляется в особенностях внутреннего климата атмосферы, реакции на внешние факторы, взаимодействия со стейкхолдерами
Индивидуальность человека, необходимость ее учета в социальных отношениях	Индивидуальность предприятия, необходимость ее учета в экономических отношениях
Принципиальность поведения	«Стратегичность» поведения
Совокупность генов	Совокупность рутин
Степень и особенности рациональности/иррациональности поведения	Степень и особенности рациональности/иррациональности поведения
Реактивность/проактивность поведения	Реактивность/проактивность поведения
Экстравертность/интравертность	Экстравертность (акцент в деятельности предприятия на внешние сигналы рынка) / интравертность (акцент на внутренние возможности предприятия)

С одной стороны, предприятия как социальные агенты особого типа участвуют в процессе формирования и развития институтов, с другой — как «поля взаимодействия» индивидов и их групп, как коллективные образования представляют собой своего рода мини институты по отношению к участникам своей деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

Аврамова Е., Овчарова Л. Финансовый кризис августа 1998 г.: выдержал ли удар средний класс России? // Вопросы экономики. 2000. № 1.

Бунин И. Окаянные дни. М.: Советский писатель, 1990.

Гольц Г.А. Культура и экономика России за три века. XVIII—XXвв. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.

В КНИГЕ НОМО INSTITUTIUS - ЧЕЛОВЕК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ, ГЛАВА 34. ВОЛГОГРАД: ВОЛГУ, 2005

- Горичева Л. К вопросу о целостности национального хозяйства // Вопросы экономики. 1996. № 9.
- Клейнер Г.Б. Современная экономика России как «экономика физических лиц» // Вопросы экономики. 1996. № 4.
- Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992.
- Львов Д.С. Третий путь для России. М.: ТПП РФ, 2001.
- Мулен Э. Кооперативное принятие решений. М.: Мир, 1991.
- Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. М.: Финстатинформ, 2000.
- Павлов И.П. О русском уме // Природа. 1999. №8.
- Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1. М.: Гнозис, 1994.
- Шпенглер О. Закат Европы. Т. II. Гл. пятая: Мир форм экономической жизни. М.: Мысль, 1998.
- Person, Position, Power and Property: the General Director in the «Economy of Individuals». Explaining Post-Soviet Patchworks. Vol. 2: Pathways from the Past to the Global / Ed. by Klaus Segbers. Aldershot, Ashgate, 2001.

¹ Такие рассуждения основаны на негативной трактовке демонов, хотя более правильно их нейтральное понимание как существ с жесткой моноцелевой ориентацией. «Демон — это сгусток жизненной энергии, обладающий единственной целью существования» и связанный с энергией достижения целей (<http://itelfo.M.ru/sushestvo192.html?#ponyatie>). Демонов можно рассматривать как идеи, монополизирующие сознание людей, делающие их ограниченными во многом, но совершенными в определенной «точке» бытия. Эти идеи («демоны») обладают все большей энергией по мере расширения числа их приверженцев. Таковы демоны инквизиции и колонизации, глобализации и вестернизации, массового потребления и конвейера, Internet и компьютерных игр, фанатизма и работы, реинжиниринга и геномной инженерии, нанотехнологий и институционализма и т. д. Они присущи отнюдь не только России: судя могут считаться ведущей «империей демонизма» в наши дни. Бинарную же ментальность россиян в таком нейтральном контексте можно понимать как непрерывную смену «демонов», боязнь которых переходит в постоянную борьбу с ними, идущую параллельно с созданием все новых и новых. — *Прим. ред.*

² С. Кара-Мурза называет сегодняшнюю Россию обществом «общинных людей, у которых сумели уничтожить все их старые общины» (Литературная газета. 2002. 25—31 дек. (№ 52)), что по сути соответствует понятию «экономика физических лиц».